

ЭХО ВРЕМЕНИ

J E R E M Y E I C H L E R

TIME'S
ECHO

THE SECOND WORLD WAR,
THE HOLOCAUST,
AND THE MUSIC
OF REMEMBRANCE

Д Ж Е Р Е М И Э Й Х Л Е Р

ЭХО ВРЕМЕНИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА,
ХОЛОКОСТ
И МУЗЫКА ПАМЯТИ

Перевод с английского
Татьяны Азаркович

издательство **АСТ**
Москва

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(с)62
Э34

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Эйхлер Джереми.

Э34 Эхо времени. Вторая мировая война, Холокост и музыка памяти / ДЖЕРЕМИ ЭЙХЛЕР,
пер. с англ. Т. АЗАРКОВИЧ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-17-162291-6

В 1785 году великий немецкий поэт Фридрих Шиллер написал “Оду к радости” и воплотил в ней самые сокровенные мечты европейского Просвещения. Девятая симфония Бетховена подарила словам Шиллера крылья, но столетие спустя та же “Ода к радости” была взята на вооружение нацистскими пропагандистами и извращена до невозможности. Когда речь заходит о том, как общество вспоминает об этих становящимися все более далекими катастрофах, на ум приходят книги по истории, архивы, документальные фильмы, мемориалы, высеченные из камня. Джереми Эйхлер предлагает прислушаться к музыкальным сочинениям-мемориалам Второй мировой. Автор страстно и откровенно доказывает силу музыки как памяти культуры, формы искусства, способной нести смысл прошлого. Автор показывает, как четыре выдающихся композитора — Рихард Штраус, Арнольд Шёнберг, Дмитрий Шостакович и Бенджамин Бриттен — пережили эпоху Второй мировой войны и Холокоста, а затем воплотили свой опыт в глубоко трогательных, трансцендентных музыкальных произведениях, которые и являются эхом утраченного времени. Эйхлер неутомим и изобретателен: он привлекает свидетельства писателей, поэтов, философов, музыкантов и простых людей. Он показывает, как целая эпоха была зашифрована в этих звуках и судьбах композиторов. Эйхлер посетил ключевые места, связанные с созданием музыки, — от руин собора в Ковентри до оврага Бабий Яр в Киеве. По мере того как угасает живая память о Второй мировой войне, “Эхо времени” предлагает новые способы слушать и слышать историю. Узнавать в этой музыке отголоски того, что слышала, о чем писала и мечтала, на что надеялась и что оплакивала другая эпоха. Эта книга, исполненная лиризма и сострадания к ее героям, заставляет нас задуматься о наследии войны, о присутствии прошлого в нашей сегодняшней жизни.

94(100)"1939/45"
ББК 63.3(с)62

ISBN 978-5-17-162291-6

- © Jeremy Eichler, 2023
All rights reserved
- © Т. Азаркович, перевод на русский язык, 2025
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2025
- © ООО “Издательство АСТ”, 2025
Издательство CORPUS ®

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прелюдия Под сенью дуба	11
--------------------------------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1 Освобождающая музыка	37
ГЛАВА 2 Танцующий в терновнике	77
ГЛАВА 3 Разорванные половины	111
ГЛАВА 4 Под волнами	148
ГЛАВА 5 Эмансипация памяти	193
ГЛАВА 6 Моисей в Альбукерке	241

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 7 С другого берега	283
ГЛАВА 8 Ангелы истории	315
ГЛАВА 9 Свет последних минут	355
ГЛАВА 10 Монументы	417

Кода Вслушиваясь в утраченное время	443
--	-----

Благодарности	453
---------------------	-----

Иллюстрации	459
-------------------	-----

Указатель	463
-----------------	-----

Посвящ ется моим родным

Только сама история, настоящая история со всеми
ее страданиями и всеми ее противоречиями,
составляет правду музыки.

ТЕОДОР АДОРНО

Время измеряет лишь само себя.

В. Г. ЗЕБАЛЬД

Прелюдия

Под сенью дуба

Гора Эттерсберг находится в центре Германии, в нескольких километрах от Веймара. Начиная с XVIII века ее поросшие лесом склоны были любимым местом отдыха герцогов, приезжавших сюда охотиться, а позже манили поэтов, которые бродили по крутым горным тропам, любясь прекрасной природой. Сам Гёте, величайший немецкий поэт, часто бывал в лесах под Эттерсбергом. С годами ему особенно полюбился один большой дуб¹ возле поляны, откуда открывался завораживающий вид на окрестности. А в одно погожее осеннее утро 1827 года под сенью этого величественного дуба для поэта был сервирован завтрак, пышностью напоминавший пир. Прислонившись к стволу царственного дерева, Гёте ел жареных куропаток, пил вино из золотого кубка и наслаждался горными пейзажами. “Здесь, — сказал он, — чувствуешь себя великим и свободным... [таким] следовало бы всегда себя чувствовать”².

- 1 “Дуб Гёте” — такое название дано целому ряду дубов в Германии, поскольку они якобы имеют отношение к поэту. Пожалуй, самый известный из них — дуб, растущий недалеко от Веймара, Германия, на Эттерсберге, у подножия которого находился замок Шарлотты фон Штейн. Предположительно именно здесь Гёте написал “Ночную песню странника” или сцену из “Вальпургиевой ночи” “Фауста”. Другой дуб Гёте находится в замке Красны Двур в Богемии (сегодня в Чешской Республике). — *Примеч. ред.*
- 2 ЭККЕРМАН И. П. *Р зговоры с Гёте в последние годы его жизни* / пер. Н. Манн. М., 1986. С. 530. — *Здесь и д лее примеч. втор , кроме оговоренных особо. При н личии перевод н русский язык д ется ссылк н соответствующее изд ние.*

После смерти Гёте стал олицетворением и немецкого гения, и всего европейского гуманизма. Предание о его любимом дереве бережно сохранялось в здешних краях — и дожило до одного летнего дня, спустя более чем сто лет. В тот день 1937 года группу заключенных доставили в высокогорный лес на склонах Эттерсберга, к известняковому хребту километрах в десяти от Веймара¹. Там, в суровых условиях, обходясь лишь самыми примитивными инструментами, узники принялись валить деревья, расчищая место под строительство концлагеря.

Пока заключенные ежедневно трудились, возводя собственную будущую тюрьму, кто-то из охранников обратил внимание на одно дерево — и объявил, что его рубить нельзя. В этом дереве признали легендарный дуб, под которым сидел Гёте². Так, уцелев благодаря имени-оберегу, в последующие годы дерево стояло уже в одиночестве, а вокруг него постепенно вырастал концлагерь Бухенвальд.

Для нацистов, создававших Бухенвальд, дуб Гёте олицетворял живую связь со славнейшими страницами истории Германии — истории, доказывавшей культурное превосходство немецкого народа и одновременно устремлявшейся к Тысячелетнему рейху их мечтаний³. Узники же Бухенвальда ви-

1 О размещении концлагеря Бухенвальд на Эттерсберге, о топографии и истории этого ландшафта на протяжении предыдущих столетий см. *Buchenwald Concentration Camp, 1937–1945: A Guide to the Permanent Historical Exhibition*. Wallstein, 2004. P. 25–27.

2 О легенде, связанной с дубом Гёте, и о его всевозможных символических значениях см.: NEUMANN K. *Goethe, Buchenwald, and the New Germany* // *German Politics and Society*. 1999. №17. P. 55–83. См. также:

SAUDER G. *Die Goethe-Eiche: Weimar und Buchenwald* // *Palmbaum: Literarisches Journal aus Thüringen*. 1994. Vol. 2. №3. P. 82–93; и KNIGGE V. “... sondern was die Seele gesehen hat”: *Die Goethe Eiche: Eine Überlieferung* // *Gezeichneter Ort: Goetheblick auf Weimar und Thüringen*. Weimar, 1999. S. 64–68. В рассказе Эккермана не говорится о каком-то конкретном дубе, и неясно, с какого времени то дерево, которое позднее стало “дубом Гёте”, связано с именем поэта.

3 NEUMANN K. *Goethe, Buchenwald, and the New Germany*. P. 57. Возражая против нацистской интерпретации, австрийский писатель еврейского происхождения Йозеф Рот гневно написал: “Никогда еще толкование символов не было таким грубым и тупым, как сегодня” (возможно, эта фраза была частью последнего фрагмента, написанного им перед смертью). (ROTH J. *Goethe's Oak in Buchenwald* // Режим доступа: www.pwf.cz.)

дели в этом дереве нечто совсем иное: неуместный пережиток прежних времен, жгучее напоминание о несбыточных обещаниях европейской культуры¹. Для них дуб стал безмолвным очевидцем неопишуемых преступлений. На протяжении следующих семи лет мужчин и женщин, которые жили в лагере, построенном вокруг этого дерева, поработали, умерщвляли, морили непосильной работой. По одному из свидетельств, некоторых жертв Гитлера вешали прямо на ветвях дерева Гёте². Сам дуб в конце концов перестал выпускать листья. На снимке, тайно сделанном узником, дерево будто тянет к пустому небу голые, безжизненные ветви.

Кто-то из заключенных концлагеря усматривал связь между участью старого дуба и судьбой нацистской Германии, летом 1944 года катившейся к гибели. Около полудня 24 августа 1944 года в небе над лагерем показались сразу 129 американских самолетов. Сбросив тысячу авиационных и зажи-

1 NEUMANN K. *Goethe, Buchenwald, and the New Germany*; WIECHERT E. *Forest of the Dead*. Gollancz, 1947. P. 78, 125.

2 PRISONER NO. 4935. *Über die Goethe-Eiche im Lager Buchenwald // Neue Zürcher Zeitung*. 2006. Nov. 4. // Режим доступа: www.nzz.ch.

гательных бомб, американцы успешно уничтожили военный завод, примыкавший к бухенвальдскому лагерному комплексу. Этот завод и был их главной целью, но были неизбежны и сопутствующие потери: сотня эсэсовцев, почти четыреста заключенных — и старый дуб, испепеленный огнем во время налета¹. Лагерное начальство распорядилось срубить дерево и распилить его на дрова, но Бруно Апиц — коммунист, находившийся в лагере с момента его основания, — сумел тайком пронести в барак целый чурбан из сердцевины ствола. Рискуя жизнью (и выставив товарищей на караул), Апиц высек в древесной глыбе барельеф в форме посмертной маски. И назвал его *Das letzte Gesicht* (“Последнее лицо”).

Эта простая, грубо высеченная скульптура — позже тайно переправленная за пределы концлагеря и хранящаяся теперь в Немецком историческом музее — сквозь индивидуальные черты лица показывает колоссальную чудовищность нацистских злодеяний. Ее можно считать одним из первых памятников, запечатлевших Вторую мировую войну и те события, которые годы спустя назовут Шоа, или Холокостом. Это последнее лицо избороздили морщины скорби по всему, что погибло в Бухенвальде: и по узникам лагеря, и, быть может, по всему тому, что олицетворял старый дуб. Иными словами, по громким европейским обещаниям высокой культуры — поэзии, музыки и литературы, и по самой идее гуманизма, который когда-нибудь в будущем мог бы сплотить между собой всех людей.

Пока Апиц трудился резцом, почти в пятистах километрах от Бухенвальда обретал очертания совсем другой памятник, вдохновленный душой немецкой культуры. На своей вилле в Гармише — городке, окруженном горами, восьмидесятилетний Рихард Штраус выписал на листок бумаги два коротких стихотворения Гёте. Одно начиналось строками: *Nie-mand wird sich selber kennen, / Sich von seinem Selbst-Ich trennen*

¹ *Buchenwald: Ostracism and Violence, 1937 to 1945: Guide to the Permanent Exhibition at the Buchenwald Memorial* // ed. V. Knigge. Wallstein, 2017. P. 138–139.

(“Никто не познает себя самого, / Не оторвет себя от собственного «я»”). Второе открывали строки: “То, что происходит в мире, / Не в силах понять никто”. Эти размышления о пределах самопознания, должно быть, оказались созвучны мыслям самого Штрауса: ведь композитор потерпел сокрушительное фиаско, не сумев понять ни смысла собственных действий, ни подлинной природы того мира, в котором он оказался в 1933 году. За годы существования Третьего Рейха он совершил роковую ошибку, неверно оценив сложившуюся обстановку, остался в Германии и навсегда запятнал свою репутацию сотрудничеством с нацистами в области культурной политики. Кроме того, он стал очевидцем страданий собственной еврейской родни (в том числе невестки и внуков) и разрушения в годы войны своего истинного духовного дома — оперных театров Мюнхена, Дрездена и Вены.